

произведений выдающегося русского поэта 20 века, созданное «на эшафоте», не могло найти своего адресата ни «наверху», ни в стане поэтов, даже близких Н. Клюеву. Только сейчас, «прорвав громаду лет», «Кремль» может быть прочитан как художественное явление. Клюевская поэма — это и покаян-

ная ода тирану, написанная сломленным тюремой и «глухоманью Нарыма» слабым человеком, и поэма о трагической судьбе национального русского поэта в условиях тоталитарного режима. Ода, обращённая к тирану, стала памятником самому поэту, возвратившемуся к нам из страны забвения.

Александр КЕРЖАК

«И пал я в глухомань — Нарым»

Поэма «Кремль» занимает в книге пятнадцатую часть — 20 страниц из 300, и доберётся до неё только осведомлённый читатель. Книга вызывает разноречивые чувства, в том числе недоумение. Авторами указаны Т. Кравченко и А. Михайлов, а девять десятых текста — письма и стихотворные послания Клюева. Они уже опубликованы (см.: Клюев Н. Сердце Единорога. Стихи и поэмы. СПб, 1999; Клюев Н. А. Словесное древо. Проза. СПб., 2003), — что же тут считать неизвестным? Только письма братьев Кравченко родителям. Единственная литературная публикация — поэма «Кремль», но о ней в названии книги нет ни слова.

«Наследие комет» — это книга любви, таков сквозной сюжет её. Первая встреча (1928), последняя встреча (1934). Книга редкостная, если не уникальная. Вот слова И. Гронского — инициатора высылки поэта, одного из организаторов Союза советских писателей: «Однажды получаю от Н. А. Клюева поэму (Речь идёт, по-видимому, о «Повести скорби» — А. К.). И вот сижу дома, завтракаю. Напротив сидит П. Н. Васильев, который жил

в это время у меня. Читаю эту поэму и ничего не могу понять. Это любовный гимн, но предмет любви не девушка, а мальчик. Ничего не понимаю и отбрасываю поэму в сторону:

— Ни черта не понимаю.

П. Н. Васильев берёт её и хохочет.

— Чего ты, Пашка, ржёшь?

— Иван Михайлович, чего же тут не понимать? Это же его «жена».

Мне захотелось пойти и вымыть руки. <...> Я позвонил Ягоде и просил убрать Клюева из Москвы в 24 часа. Он меня спросил:

— Арестовать?

— Нет, просто выслать из Москвы.

После этого я информировал И. В. Сталина о своём распоряжении, и он его санкционировал» (Минувшее, 1992, № 8).

Сталин своих решений не отменял, и попытка самоспасения, вот это мнимое величание и покаяние, была тщетной. Так что интеллигентский юмор наш — угодил, мол, за «Погорельщину» в перулок Красного пожарника — продолжает клюевскую версию: «Я сгорел на своей «Погорельщине»,

как Аввакум в Пустозёрске». Внешнее самоотречение («Я разлюбил избу под елью»; «Рычу на прошлого себя») так и остаётся внешним, оно снимается нашим знанием трагедии.

Соглашаюсь с Ивановым-Разумником: «вымученная» поэма Клюева не возвышает. С основным, любовным, сюжетом книги она не связана, стоит в ней наособицу. Но без истории любви и происхождения поэмы, и причины столь длительного утаивания её — три четверти века! — не ясны. Создание поэмы, отсылка её адресату и полное отстранение его от судьбы друга-любownika — это вторая глава. Никаких действий и никакого ответа не было. Просил автор прислать текст на доработку — не прислал. И осела поэма в шкафах семьи Кравченко, осела на семьдесят три года.

А третья глава — большой террор. Здесь сексуальное отклонение уже ни при чём. В те дни искали повод для ликвидации всех хоть в чём-то заподозренных, всех людей отклоняющегося поведения, и просто всех подвернувшихся. Всякий, кого раньше зацепили зубцы машины НКВД, в 1937 году был обречён. Крестьянские поэты, жившие в разных городах, были уничтожены одновременно.

Но вот парадокс: письма и стихотворения «гривуазного» содержания давно опубликованы, а поэма-хвала машине, уничтожившей поэта, возвращена читателю через семьдесят лет после её создания. Гимн красному Кремлю — ода геноциду, отрицание основного в наследии Клюева. Вот, например, автор зовёт весь мир «дивиться на канал чудесный». Но мы теперь знаем другое его произведение:

То Беломорский смерть-канал.
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тётка Фёкла.
Великороссия промокла

Под красным ливнем до костей
И слёзы скрыла от людей...

Мы верим второму тексту, его считаем славой русской литературы. Это надо сказать внятно. И надо добавить: «Кремль» не первая попытка компромисса. Был цикл «Стихи о колхозе», не спасший поэта от травли и ареста. Был сборник «Ленин», и написал его поэт в 1918 году, без всякого принуждения. Е. Замятин, отметив мимолётное торжество Клюева, причислил его к когорте «юрких», знающих, когда надо надеть красный колпак, а когда снять его. Но дело не в «юркости», Клюев действительно пережил революционно-утопические обольщения. А революционные идеалы его — скопческо-хлыстовского образца: вырвать корень греха, плотское основание эроса. Он вступил в партию большевиков — ясно, для чего: чтоб разрешили создать объединение крестьянских поэтов. И возглавивший его коммунист-хлыстовец ходил в церковь. За что и был исключён из РКП (б).

Трудно судить об эстетическом уровне его любовных посланий — не с чем сравнивать. Вот оценка Андрея Белого: «От стихотворений Клюева, прекрасных имажинативно и крупных художественно, разит смесью “трупа с цветущим жасмином”, и я не падаю в обморок потому, что соблюдаю пафос дистанции...». Но психопатология — одна сторона дела, тёмная, а вторая, светлая, — вдохновение. Своему адресату, перед расставанием с ним, поэт написал: «Ни одна минута, прожитая с тобой, не была не творческой».

Дитя родное! — меж цветов
Благоухает лепестков
Звонящий ворох. Это песни,
За них стань прахом и воскресни!

Клюев гораздо сложнее того хрестоматийного портрета, какой преподают в школе; подлинный Клюев школе не по силам. Да и просто любить его трудно. Ведь, когда любишь поэта, подражаешь ему, бессознательно отождествляешь себя с ним. Хотя не всё тут ясно. Тёмная тайна Чайковского не мешает мне любить его музыку. А вот тайна Клюева почему-то мешает. Может быть, потому, что партнёр именуется в посланиях «дитятко», а порой — слишком откровенно, без всякой сублимации. Можно гордиться изданием, но надо же разобраться, что это такое, что тут издано.

Гронскому, редактору «Нового мира», он поставил ультиматум: «или печатайте (гимн однополуму эросу — А. К.), или я работать не буду». Поэма «Кремль» стала следствием этого вызова. Через полгода последней надеждой посланного стала публикация её в «Новом мире». Поэт был обречён. Гремели овации на первом съезде советских писателей, а о нём «Литературная энциклопедия» дала справку «как об отце «кулацкого стиля» в литературе. «Прости иль умереть вели!» — вот последние слова покаянной поэмы. Но что ему можно было простить? Кремль

велел умереть.

В наследии каждого поэта выделяют рубрики: любовная лирика, патриотическая лирика. У Блока, например, эти темы переходят одна в другую. У Клюева они не соединимы, как будто за ними было две личности. Клюев-человек двулик, поэт Клюев изумляет своим уникальным барочным стилем. Отсвет «голубизны», привычный фон Серебряного века, «ежовые рукавицы» беспощадно вымарали в крови. В послевоенное время за это ссылали, а сейчас пропагандируют как признак утончённого вкуса. В крестьянской Руси такая болезнь была в диковинку. Неразличение нормы и патологии — примета нездоровой культуры. Но это особая тема.

Так что же, любовная тема заглушает тему национальной трагедии? Нет, конечно, они в разной плоскости. «Кремль» нельзя ставить рядом с трагически-величальной «Песнью о великой матери». Простим поэту эту отчаянную надежду на спасение. Другое дело — чьё-то желание сниматься на фоне великого, укрупнять заслуги семьи, спрятавшей поэму. Это помехи для толкования позднего Клюева, а толковать надо невянятно, по сути темы.